

Информация для цитирования:

Бижоев Б. Ч. Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке / Б. Ч. Бижоев, М. Р. Хежева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28.

Bizhoviev, B. Ch., Khezheva, M. R. (2024). Types of Plurality and Their Representation in Kabardian-Circassian Language. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке

Бижоев Борис Чамалович
orcid.org/0000-0001-8193-7126
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
кабардино-черкесского языка
bizhoviev1952@mail.ru

Хежева Марьяна Рашадовна
orcid.org/0000-0002-9568-7751
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник сектора
кабардино-черкесского языка,
корреспондирующий автор
maryana.khezheva@yandex.ru

Кабардино-Балкарский
научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Types of Plurality and Their Representation in Kabardian-Circassian Language

Boris Ch. Bizhoviev
orcid.org/0000-0001-8193-7126
Doctor of Philology,
leading research scientist, Department
of Kabardino-Circassian Language
bizhoviev1952@mail.ru

Maryana R. Khezheva
orcid.org/0000-0002-9568-7751
PhD in Philology,
senior research scientist, Department
of Kabardino-Circassian Language,
corresponding author
maryana.khezheva@yandex.ru

Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование способов и средств репрезентации семантики множественности в кабардино-черкесском языке. Выявлены, систематизированы и охарактеризованы аффиксальные, лексические, фразеологические средства реализации семантики конкретного, неопределенного, приблизительного, тотального, собирательного, репрезентативного множества в адыгском языковом сознании. Отмечено, что из всех перечисленных типов множеств большей изученностью в кабардино-черкесском языке отличается семантика репрезентативного множества. Доказано, что квантитативы с семантикой всеобщности кабардино-черкесского языка могут выражать как дискретное, так и недискретное множества. Научная новизна исследования видится в том, что впервые в адыгском языкознании предпринят опыт систематизации различных способов репрезентации семантики множества во всех ярусах языковой системы. Установлено, что большим разнообразием отличается репрезентация семантики неточных множеств. Например, показано, что в устойчивых выражениях и паремнологическом пласте языка нумеративы теряют свое конкретно-количественное значение и служат репрезентантами неопределенного множества. Исследование фразеологических единиц показало, что в адыгской языковой картине мира семантика множественности часто реализуется при функциональном участии энтомосемизмов. Полученные результаты могут быть использованы в изучении проблем языкового выражения семантики количественности.

Ключевые слова:

семантика количества; квантитатив; числительное; семантика множества; адыги; кабардино-черкесский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the methods and means of representing the semantics of plurality in the Kabardian–Circassian language. Affixal, lexical, and phraseological resources for expressing specific, indefinite, approximate, total, collective, and representative plurality within the Adyghe linguistic consciousness have been identified, systematized, and characterized. It is noted that among all the mentioned types of plurality, the semantics of representative plurality is the most extensively studied in the Kabardian–Circassian language. The research demonstrates that quantifiers with universal semantics in Kabardian–Circassian can express both discrete and non-discrete pluralities. The scientific novelty of this research lies in the fact that it is the first attempt in Adyghe linguistics to systematically categorize various ways of representing the semantics of plurality across all levels of the linguistic system. It has been established that the representation of imprecise pluralities exhibits considerable diversity. For instance, it is shown that in fixed expressions and the phraseological layer of the language, numeratives lose their specific quantitative meaning and serve as representatives of indefinite plurality. The investigation of phraseological units reveals that in the Adyghe worldview, the semantics of plurality is often realized through the functional involvement of entomosemisms. The findings can be applied to the study of issues related to linguistic expression of quantity semantics.

Key words:

semantics of quantity; quantifier; numeral; semantics of plurality; Adyghe; Kabardian–Circassian language.

УДК 811.352.3'37+811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке

© Бижоев Б. Ч., Хежева М. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение реализации идеи количественности в языке является одной из актуальных проблем современной лингвистической науки. С точки зрения развития человеческого мышления формирование понятийной категории качества рассматривается как начальный этап познавательной деятельности человека, который предшествует этапу формирования категории количества [Федяева, 2016, с. 74]. Множество является одним из самых сложных понятий математики, философии, логики, лингвистики. В лингвистических изысканиях поле множественности представляет собой микрополе, которое наряду с микрополем единичности входит в общее макрополе числа [Гулыга и др., 1969, с. 19]. В математической логике множество — это набор, совокупность, собрание каких-либо объектов, названных его элементами, обладающих общим для них всех свойством [Войцеховский, 1982, с. 762]. Множество возникает путем объединения отдельных предметов (вещей) в единое целое, то есть множественность мыслится как единство [Хаусдорф, 1937, с. 9]. Основной оппозицией в теории множеств является противопоставление конечного (закрытого) и бесконечного (открытого) множества. Как особый тип выделяется универсальное множество — такое, которое содержит все элементы с определенным свойством [Румянцева, 2009, с. 19]. Четким множествам математики противопоставлены нечеткие, или лингвистические множества, включающие в себя такие объекты, которые могут быть отнесены к тому или иному множеству лишь с определенной степенью достоверности [Пиотровский и др., 1977, с. 12]. Целесообразность использования для описания естественной языковой квантификации именно расширенного понимания множества А. Д. Шмелев связывает с тем, что в языке количественной оценке подвергаются не только множества, состоящие из отдельных элементов, но и неисчислимы совокупности [Шмелев, 2002, с. 82]. Все виды множеств репрезентируются средствами языка. Анализ языковых средств выражения количественных смыслов показывает, что «сегментирование окружа-

ющей действительности с точки зрения количественности представляет сложный когнитивный процесс» [Кулькова, 2010, с. 76]. По справедливому утверждению А. А. Холодовича, множество противостоит единичности и является исключительно многообразным по своему составу и по своей структуре [Холодович, 1979, с. 174—179]. В адыгской лингвистической науке достаточно хорошо изучены особенности грамматической формы числа, состав и словообразование лексем, употребляющихся только в единственном или же только во множественном числе. Несмотря на то, что имеются спорные моменты в отношении выделения разрядов числительных, в целом можно считать, что грамматика числительных изучена основательно. Также исследовались особенности репрезентации семантики количественности в адыгской лингвокультуре, анализировались фразеологизмы с количественной семантикой. Однако категория количества, способы языкового выражения семантики множества, малого количества относятся к наименее изученным областям.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования стало выявление основных способов репрезентации семантики множества в кабардино-черкесском языке.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные проблеме числа [Арутюнова, 2005], некоторым вопросам грамматики и лексики кабардино-черкесского языка [Бижоев 2005; Грамматика ..., 1970; Коков, 2006; Ногмов, 2020; Турчанинов и др., 1940; Урусов, 2001; Хежева, 2023], фразеологическим единицам кабардино-черкесского языка со значением количества и времени [Кумыкова, 2006], параметрам количественной оценки в естественном языке, способам выражения идеи количественности, множественности в лингвистике [Бирюкова, 2006; Гулыга и др., 1969; Крылов, 2005; Кулькова, 2010; Румянцева, 2009; Супрун, 1996; Холодович, 1979; Шмелев, 2002; Шмелев, 2005], качественно-количественной семантике [Федяева, 2016], репрезентации идеи всеобщности [Падучева, 1989], адыгской мифологии [Мижаев и др., 2012], математической теории множеств, математической лингвистике [Войцеховский, 1982; Хаусдорф, 1937; Пиотровский и др., 1977]. **Материалом исследования** послужили языковые единицы с семантикой собирательности, приблизительного, репрезентативного, тотального множества, разнородного множества, извлеченные из основных лексикографических трудов по кабардино-черкесскому языку [БРКЧС; Емузов, 1976; Карданов, 1968; КРС; КЧРС; СКЧЯ], произведений адыгских авторов [Дударов, 1992; Керашев, 1986; Керефов, 2009; Мафедзев, 1992; Мафедзев, 1995; Теунов, 1979; Теунов, 1980; Шехихачев, 2000; Шортанов, 2016], а также фольклорных трудов [КП; СР]. Широко использовались

собственные примеры авторов. Выбор **методов исследования** обусловлен целью исследования. Для отбора иллюстративного материала применялся метод сплошной выборки лексических единиц и устойчивых выражений из различных словарей кабардино-черкесского языка по критерию наличия семантики множественности. Для классификации и систематизации языковых единиц использовался описательно-аналитический метод. Метод контекстуального анализа привлекался для выявления особенностей семантики лексем с количественным значением в контексте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конкретное множество

Числительные являются ядром языковой количественности. Точная квантификация выражается нумеративными конструкциями (то есть конструкциями с числительными) [Крылов, 2005, с. 50]. В кабардино-черкесском языке все числительные, кроме количественного числительного *зы* ‘один’ и его дериватов, выражают идею множественности. По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, *один* образует своего рода рубеж между нулем и множеством. При одном отрицании — *не один* — подразумевается число большее, чем единица [Арутюнова, 2005, с. 14]. Этноспецифической особенностью кабардино-черкесского языка является то, что большинство именных частей речи могут выступать в качестве сказуемого, оформляясь при этом суффиксами отрицания и утверждения, характерными для глаголов. Суффикс отрицания *-къым* способен сочетаться со сказуемым в индикативе, выраженным практически всеми частями речи. Так, в современном кабардино-черкесском языке сочетание количественного числительного *зы* ‘один’ с суффиксом отрицания *-къым* включает в себе семантику множественности: *уэ зыракъым зэлуцIэм къэкIуар* ‘на собрание пришел **не ты один**’ (здесь и далее перевод примеров наш. — Б. Б., М. Х.). Конкретное, определенное множество выражается в адыгском языковом сознании определенно-количественными числительными, подразделяющимися в современном кабардино-черкесском языке на **простые** (состоящие из одного корня) — *зы* ‘один’, *тлу* ‘два’, *щы* ‘три’, *мин* ‘тысяча’, *мелуан* ‘миллион’; **сложные** (состоящие из двух корней) — *пщыкIуэ* ‘одиннадцать’, *хыщI* ‘шестьдесят’, *блщI* ‘семьдесят’; **составные** (состоящие из двух и более слов, соединенные союзом *-рэ, рэ*) — *плыщIрэ* *тхурэ* ‘сорок пять’, *хыщIрэ* *блырэ* ‘шестьдесят семь’, *щитIрэ* *бгъуцIрэ* *блырэ* ‘двести девяносто семь’.

Имена существительные кабардино-черкесского языка имеют союзные формы, посредством которых осуществляется связь между двумя или

несколькими словами [Грамматика ..., 1970, с. 76]. При функциональном участии союзных суффиксов *-и / -и* и *-рэ / -рэ* может выражаться семантика конкретного множества, то есть такого, которое состоит из точного количества лиц или предметов. К примеру: *Мухьэмэди, Мурати, Аслъэни къэкьуащ* // ‘Пришли и Мухамед, и Мурат, и Аслан’; *Мухьэмэдрэ Муратрэ къэкьуащ* // ‘Пришли Мухамед и Мурат’.

Семантика конкретного малого множества (больше чем один) выражается при помощи префикса *зэ-*, например: *зэдэпсэун* ‘жить вместе’ [СКЧЯ, с. 200]. *Мазихьым нэсауэ Муратрэ Зейнабрэ зэгурылуэу, зэдэлуэжу, ялэр зэдашхьу, ямылэр къызэралэжьыным хуцлэжуу, зэдопсэу* // ‘Вот уже шесть месяцев Мурат и Зейнаб живут вместе в дружбе и согласии, едят вместе то, что заработали, то, чего не хватает, стараются заработать’ [Теунов, 1980, с. 386]. Эквивалентную семантику взаимно-возвратный префикс *зэ-* имеет и в сложных именах существительных: *зэдэзэкуэ* ‘отец и сын’ [СКЧЯ, с. 187], *зэ-нэзтхьу* ‘мать и дочь’ [Там же, с. 187], *зэлзэфыз* ‘муж и жена, супруги’ [Там же, с. 214]. Наличие суффикса множественного числа *-хэ* в подобных словах вносит в значение слова семантику неопределенного множества: *зэанэзпхьухэр* ‘мать и дочери’ (то есть мать и неопределенное множество дочерей).

3.2. Неточные множества

3.2.1. Семантика неопределенного множества

Противопоставление единичности и множественности для многих языков становится одним из главных в становлении и современной семантической характеристике категории грамматического числа [Супрун, 1996, с. 167]. Форма множественного числа существительных выражает традиционно приписываемое ей значение ‘больше, чем один’ [Бирюкова, 2006, с. 113]. Доминантным выразителем семантики неопределенного однородного множества в современном кабардино-черкесском языке является грамматическая форма множественного числа, выраженная суффиксом *-хэ*, который присоединяется к основе большинства именных частей речи и глагольно-именных форм. В большинстве случаев все именные части речи и глагольно-именные формы во множественном числе оформляются суффиксами определенности *-р*, *-м*, например: *унэ* ‘дом’ — *унэхэр* ‘дома’, *унэхэм* ‘домам’, *дахэ* ‘красивый’ — *дахэхэр* ‘красивые’, *дахэхэм* ‘красивым’, *лажьэр* ‘работающий’ — *лажьэхэр* ‘работающие’, *лажьэхэм* ‘работающим’. Грамматическая форма числа у глагола отражает не количество действия, а число участников действия, то есть грамматическая форма числа глагола дублирует количественное значение, представленное существительным или местоимением [Кумыкова, 2006, с. 55]. К примеру: *Хьэцлэхэр зыплыхьаклуэ ежьахэц* = *Хьэцлэхэр зыплыхьаклуэ ежьащ* // ‘Гости отравились в лес разветвляясь’.

От именных основ при помощи суффикса *-лъэ* образуются лексемы со значением излишнего количества, обилия чего-нибудь, например: *удзылъэ* ‘место с обильным травостоем’ [СКЧЯ, с. 654].

Семантика неопределенного множества в современном кабардино-черкесском языке передается при помощи лексем *зыбжанэ* ‘множество’ [КРС, с. 131], *зыкьом* ‘несколько’ [Там же, с. 136], *куэд* ‘много’ [Там же, с. 159], *Иэджэ* ‘много, многие’ [Там же, с. 468]. Ввиду наличия количественной семантики некоторые исследователи относят данную группу слов к неопределенно-количественным числительным [Урусов, 2001, с. 133, Хежева, 2023, с. 152]. Лексемы *мин* ‘тысяча’ и *мелуан* ‘миллион’ являются заимствованиями в кабардино-черкесском языке. В зависимости от контекста они могут выражать как определенное, так и неопределенное множество: *Бжьыхьэ жэщэ цыэрэ минци* (*Куэдрэ зызэрехъуэкI, жыхуиIэци*) [КП, с. 99] ‘Осенняя ночь много раз меняется’ (букв.: осенняя ночь — это сотня и тысяча). Определенно-количественные числительные в исследуемом языке могут служить показателями неопределенного множества: *Щыгъынибгъу* (*цыгъын* ‘одежда’ + *бгъу* ‘девять’) *нэхърэ теубгъуэн* (*Щыгъын куэд уиIэ нэхърэ теIэниIэлыын жыхуиIэци*) [Там же, с. 59] // ‘Лучше одно покрывало, чем много одежды’ (букв.: Лучше покрывало (или постельные принадлежности), чем девять одежд).

Семантика неопределенного множества в кабардино-черкесском языке заложена в некоторых прилагательных и производных от них наречиях: *Бэв* ‘богатый, обильный’ — *бэву* ‘богато, обильно’ [СКЧЯ, с. 34], *берычэт* ‘обильный, богатый, с достатком’ — *берычэту* ‘богато, обильно’ [Там же, с. 43], *гъунэж* ‘множество’ — *гъунэжу* ‘во множестве’ [Там же, с. 105], *пэрыхъэт* ‘изобильный’ — *пэрыхъэту* ‘в изобилии, с избытком’ [Там же, с. 555].

Сема неопределенной множественности присутствует во всех сложных словах, содержащих корень *бэ* ‘большое количество, множество чего-либо, масса’: *Лъабжьабэ* ‘имеющий множество корней’ [СКЧЯ, с. 489], *быныбэ* ‘многолетний’ [Там же, с. 54], *зэшыбэ* ‘множество братьев’ [Там же, с. 260], *цыхубэ* ‘масса, скопление людей, народ, основная трудовая масса страны’ [Там же, с. 751].

Часто семантика неопределенно-большого количества в адыгской языковой картине мира реализуется устойчивыми выражениями с энтомосемизмами: *МацIэ бын* ‘свора голодных детей, прожорливая многочисленная семья (букв.: семья саранчи)’ [Карданов, 1968, с. 170]; *Бжэзм хуэдэу ещIын* ‘налететь, словно рой пчел’: *Мыр слло, зым псори бжэзм хуэдэу ещIащ*, *модрейр зеиниэ нэхъей и закъуэ щытци* [Мафедзев, 1992, с. 78] //

‘Что это такое: на одного все налетели словно рой пчел, а другой словно сирота стоит один’; *ХьэпIацIэм хуэдэн* ‘множество’, ‘словно насекомые’: *Дынэсмэ (утыкуишхуэм), цIыхур хьэпIацIэм хуэдэиц, телъыджэ къащыхъуа гуэр ягъэцIагъуэри зэхэтиц* [Керефов, 2009, с. 500] // ‘Доходим до площади и видим, что людей очень много (букв.: людей много, словно насекомых), стоят и удивляются’.

Семантика бесконечного множества реализуется в языке устойчивыми словосочетаниями *бжыгъэ имыIэн, икъужIэ куэду, сым хуэдиз ухуейми; = гъуни нэзи иIэкъым* ‘много, сколько угодно; ни конца, ни края не видно’ [Емузов, 1976, с. 253].

Бесчисленность, количество, выходящее за грань желаемого, часто приобретает негативную семантику. Семантика излишества, существования в большом количестве реализуется устойчивым выражением: *Хьэм уеуэмэ, абы ятохуэ* ‘ударить собаку, попадешь в них’ (о тех, кого много) [Карданов, 1968, с. 273].

Семантика разнородного неопределенного множества репрезентируется устойчивыми выражениями с составным компонентом *IэшырI* ‘молочный суп из семи злаков и вяленого мяса жертвенного барана, варится через месяц после праздника мусульманского жертвоприношения Курбан-байрам’ [Мижаяев и др., 2012, с. 449]. В современном кабардино-черкесском языке этнолексема (слово, обозначающее этнокультурно маркированную специфическую реалию) *IэшырI* употребляется в значении ‘разнородная смесь’ [КЧРС, с. 642]: *Адыгэ IэшырIыуэ зэхэвэжащ* // ‘Все смешалось, все перепуталось’; *Мес, яхэплъэ, псори зэхэтишхуэвэжащ, адыгэ IэшырIыуэ зэхэвэжащ* [Шортанов, 2016, с. 881] // ‘Вот, смотри, все смешалось’.

3.2.2. Семантика приблизительного множества

Семантика **приблизительного множества** в современном кабардино-черкесском языке передается при помощи приблизительных числительных, образующихся в кабардино-черкесском языке сложением нескольких основ количественных числительных: *зылIытху* ‘четыре-пять’ [КРС, с. 137], *зытхух* ‘пять-шесть’ [Там же, с. 138], *зытIуиц* ‘два-три’ [Там же], *зытIоцIырытицI* ‘около двадцати’ [Там же], *зыхыбл* ‘шесть-семь’ [Там же, с. 139]. Часто семантика приблизительного множества передается сочетанием количественного числительного и лексем *нэблагъэ* ‘около, до’: *тIоцI нэблагъэ* ‘около двадцати’ [Там же, с. 275], *хуэдиз* ‘около, приблизительно’: *тыIы хуэдиз* ‘около десяти’ [Там же, с. 395].

3.2.3. Семантика тотального множества

Тотальное множество в кабардино-черкесском языке выражается при помощи кванторов с семантикой всеобщности. Квантификатору всеобщности нет соответствия в числовом ряду, что вытекает из постулата о бес-

конечности, а следовательно — неисчерпаемости этого ряда [Супрун, 1996, с. 166]. Важным вкладом логики в лингвистическую семантику является трактовка кванторных слов как сентенциональных операторов. Действительно, слова *все*, *всякий*, *каждый*, *любой*, равно как и нулевой показатель общности, используются главным образом для выражения общего суждения [Падучева, 1989, с. 15].

В кабардино-черкесском языке носителями семантики всеобщности, тотальности являются лексемы, относящиеся к различным грамматическим классам: *дэтхэнэри* (местоимение) ‘каждый’, ‘любой’ [СКЧЯ, с. 119], *зэрыщыту* (наречие) ‘целиком’ [Там же, с. 237], *псори / псо* (местоимение) ‘весь, вся, все’ [Там же, с. 570], *сыти / сытри* ‘всякий, каждый’ [Там же, с. 612], *хэти* (местоимение) ‘каждый, всякий (о человеке)’ [Там же, с. 687]. В естественном языке на месте одной ‘идеи всеобщности’ имеется около десятка вполне отчетливых семантических противопоставлений, которые заставляют носителя языка выбирать для выражения всеобщности то одни языковые средства, то другие [Падучева, 1989, с. 15]. Местоимение *псо* и его дериваты (*псори*, *псоми*, *псомкӀи*) сочетаются и с исчисляемыми конкретными именами существительными, и с неисчисляемыми абстрактными именами: *цӀыху псори* ‘все люди’ и *гъатхэм и дахагъ псори* ‘все красоты весны’. При сочетании кванторного местоимения *псори* ‘весь’, ‘все’ с глаголами со сложными префиксами типа *зэры-*, *зэре-* репрезентируется семантика всеобщей подверженности совокупности людей какому-либо действию: *Псори губгъуэм зэрыдэшащ* ‘все разом пошли на поле’. Указанный квантор часто функционирует в официально-деловом дискурсе как составная часть информационных и агитационных документов, например: *БзэцӀэныгъэм дихъэх псори фыкъыхудоджэ цӀэныгъэ конференциым фыкъэклӀуэлӀэну* // ‘Призываем **всех** неравнодушных к языкознанию прийти на научную конференцию’.

Определительное местоимение *дэтхэнэри* ‘каждый’, ‘любой’ также оформляется падежными формантами и может употребляться в формах *дэтхэнэми*, *дэтхэнэмкӀи*, *дэтхэнэрауи*, при сочетании с именными частями речи в препозиции падежным формантом оформляется определяемая лексема: *дэтхэнэ цӀыхури* ‘каждый человек’. В постпозиции падежные показатели присоединяются к кванторному местоимению: *цӀыху дэтхэнэри* ‘каждый человек’.

Семантика всеобщности присуща определительным местоимениям кабардино-черкесского языка, образованным от вопросительных местоимений *хэт* ‘кто?’ и *сыт* ‘что?’ при помощи суффикса *-и*: *хэти* ‘любой’, ‘всякий’, ‘каждый’ [КРС, с. 382], *сыти* ‘каждый, всякий’, ‘все’ [Там же, с. 333].

Прежде чем перейти к особенностям функционирования кванторных местоимений *хэти* ‘любой, всякий, каждый’ и *сыти* ‘любой, каждый’, нужно отметить, что особенностью существительных в кабардино-черкесском языке является их разделение на класс (группу) человека и класс (группу) вещей [Урусов, 2001, с. 103]. Двум классам имен существительных соответствуют два вопросительных местоимения [Грамматика ..., 1970, с. 113]. В трактовке Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова данные группы называются классом общественно-активных и классом общественно-пассивных. В грамматический класс человека (класс общественно-активных) входит только *цыху* ‘человек’, включая все общие, возрастные и родовые различия, например: *цыхуыхъу* ‘мужчина’ (вообще), *цыхуыбз* ‘женщина’ (вообще), *лы* ‘мужчина (женатый)’, *фыз* ‘женщина (замужняя)’, *цIалэ* ‘молодой парень’, ‘мальчик’, *хъыджэбз* ‘девушка’, *сабий* ‘ребенок’ [Турчанинов и др., 1940, с. 52]. Существительные, относящиеся к данному классу, могут отвечать на вопрос *хэт?* ‘кто?’. Соответственно, использование квантитатива *хэти* ‘каждый, любой’ говорит о том, что речь идет о человеке: *Хэти идэниц а уи лэжьыгъэм хуэдэ* // ‘Любой (человек) желал бы такую работу, как у тебя’. В грамматический класс вещей (класс общественно-пассивных) входят все остальные предметы и явления живой и неживой природы и общественной жизни [Там же]. Кванторное местоимение *сытри* (*сыти*) употребляется исключительно с существительными, относящимися к классу вещей, и приобретает семантику ‘все, что хочешь’, ‘все, что пожелаешь’: *Бэзэрым сытри цацэ* // ‘На рынке продается **все, что хочешь**’.

Семантику всеобщности в кабардино-черкесском языке имеет местоимение, образованное от существительного *цхъэ* ‘голова’ при помощи суффикса *-ж*: *цхъэж* [Там же, с. 81]: *Щхъэж зэрыфIэфIым хуэдэу ирецI* // ‘Пусть **каждый** сам решает, что делать’. Значение всеохватности кванторное наречие *зэрыцыту* реализует при сочетании с именами существительными. При этом указанная лексема употребляется и с исчисляемыми, и с неисчисляемыми именами существительными: *Цыхухэр зэрыцыту къызэхуэсац* ‘все люди собрались’; *Дунейр зэрыцыту зэцIэгъэгъац* ‘Все кругом расцвело’.

Количественной оценке (квантификации) подвергаются прежде всего различные объекты окружающей нас действительности, образующие дискретные и недискретные совокупности [Шмелев, 2005, с. 511]. Квантитивы кабардино-черкесского языка типа *псори*, *зэрыцыту* могут выражать как дискретное, так и недискретное множество и могут быть контекстуально взаимозаменяемы: *цыхухэр псори пцIантIэм дэтт* = *цыхухэр зэрыцыту пцIантIэм дэтт* // ‘Все люди находились во дворе’; *Шэр псори икIутац* = *шэр зэрыцыту икIутац* // ‘Все молоко пролилось’.

Кроме кванторов с семантикой всеобщности тотальность может передаваться в кабардино-черкесском языке и аффиксальными средствами. Так, семантику тотальности приобретают глаголы кабардино-черкесского языка:

— со сложным префиксом *зэхэ-* и суффиксом *хь-*: *Зэхэдыжыхьын* ‘зачинить, залатать что-либо’: *И цыгыын зэхэдыжыхьами, мэлыхуэр лы бжыыфIэц, лыгыэ зэрыхэлъыр и нэгу къоц, нэпкьпэпкыышхуэц, и жьакIэ фIыцIэр кIагуэу пыгъэцхъац* [Керашев, 1986, с. 33] // ‘Несмотря на то, что одежда чабана вся заштопана, он статный мужчина, и по нему видно, что он бесстрашный, у него грубые черты лица, черная борода коротко подстрижена’;

— с префиксами *къы-*, *зэ-* и суффиксом *-хь*, например, *къызэхэжыхьын* ‘обегать’ [СКЧЯ, с. 426]: *Аслъэн и нитIыр плъыжыыфэу, езыр къэцтауэ, пIацIэу хъунIэри мэзри къызэхэжыхьац* [Теунов 1979, с. 485] // ‘Аслан, с красноватыми глазами и испуганный, второпях обегал и лес, и пастбище’.

Сложный префикс *зэцIэ-* вносит в глаголы значение полноты, интенсивности и совместности действия [Грамматика ..., 1970, с. 180], например, *зэцIэкIэн* ‘зарасти, покрыться обильной растительностью’ [СКЧЯ, с. 263]: *Фльагъурккъэ, нартыхур Iейуэ зэцIэкIац*, — *къыджэIэ къыдбгъэдыхъа Джьырандыкъуэ* [Теунов, 1980, с. 44] // ‘Вы что, не видите, кукуруза обильно заросла, — говорит нам подошедший Герандуко’; *зэцIэдыхъэшхэн* ‘засмеяться одновременно’ [СКЧЯ, с. 263]: *Гуыр ину зэцIэдыхъэшхац* [Теунов, 1980, с. 503] // ‘Вся толпа громко засмеялась’. Сема тотальности присутствует у большинства глаголов, образованных при помощи сложных глагольных приставок *зэрыдэ-* / *зэрыдо*, *зэре-*, *зэрыцIэ-* *зэрыгъэ-*, обозначающих совместное или одновременное действие всех лиц, сосредоточенных в одном месте. Ср., например, *зэрыдэхын* ‘быстро выйти, выехать толпой, гурьбой’ [СКЧЯ, с. 232]: *Цыхухэри къэнэцхъыфIэжауэ, я Iуэху еужьэрэкIхэрт: хэт бо зэрегъэпэцыж, хэти пIантIэр мывэ сэрейкIэ кърецIэкI, нэгъуэцIхэри губгъуэм зэрыдох, гъатхэ лэжыгъэм хуэпIацIэу* [Теунов, 1980, с. 236] // ‘Повеселев, люди с воодушевлением занимались своими делами: кто ремонтирует свой хлев, кто огораживает свой двор каменным забором, некоторые толпой выезжают в поле, торопясь заняться весенними делами’; *зэрешэкIын* ‘вместе выйти за что-либо’ [СКЧЯ, с. 228]: *ЩIалэхэр шыгъуэгумкIэ зэрешэкIац* [Мафедзев 1995, с. 230] // ‘Парни вместе зашли за тыльную сторону дома’; *зэрыцIэхын* ‘стремительно удалиться вместе откуда-либо’ [СКЧЯ, с. 238]: *Унэм цIыхуу цIэсыр зэрыцIэхац* // ‘Все, находящиеся в доме все вместе стремительно вышли оттуда’; *зэрыгъэдыхъэшхын* ‘вместе засмеяться’: *Аргуэру псори зэрыгъэдыхъэшхац. Езы*

Хьэкъарокъуэри аргуэру джырафинэм эклэлъытеулуащ [Дударов, 1992, с. 187] // ‘Опять все разом рассмеялись, а Хакароко опять несколько раз подряд постучал по графину’.

Главной отличительной чертой устойчивых выражений со значением количественности в адыгском языковом сознании является то, что они не обозначают конкретное количество. Так, в адыгской языковой картине мира обнаружены устойчивые выражения, обозначающие ‘сосредоточение множества людей и объектов в одном месте’, ‘движение толпой в одном направлении’. Такие идиомы имеют общую **семантику тотальности**: *зэрыхь-бадзыху* ‘без остатка’ [Карданов, 1968, с. 117], *къанэ щымылэу* ‘всё без исключения, всё вместе’ [Там же, с. 137], *зи лъэ вакъэ изыльхъэ* ‘поголовно все’ (букв.: все, кто может носить обувь) [Там же, с. 155], *псэ зылут къэмынэу* ‘все живые, от мала до велика’ [Там же, с. 211], *хьуи бзыи къэмынэу (къызэхуэсац)* ‘все до единого (мужчины и женщины) собрались’ [Там же, с. 285], *псэ зылуту хьугъэр* ‘все живое, смертное’ [Емузов, 1976, с. 142].

3.2.4. Собирательное множество

Ряд исследователей в кабардино-черкесском языке выделяют собирательные формы числительных. Так, автор первой грамматики кабардино-черкесского языка Ш. Б. Ногмов в начальных правилах указывает, что собирательная форма числительных образуется путем присоединения к основам количественных числительных элемента *-уэ тлууэ* ‘двое’, *щыуэ* ‘трое’ [Ногмов, 2020, с. 65]. Дж. Н. Коков указывает, что кабардино-черкесскому языку присущи разновидности количественных числительных, обозначающих совокупность чего-либо, чаще всего лиц. Репрезентантом семантики собирательности, по мнению исследователя, является союзный суффикс *-ри (рикI)*: *тлурикI* ‘оба, обе’, *тхурикI* ‘пятеро’ [Коков, 2006, с. 147]. Автор также указывает, что в разговорной речи совокупное количество обозначается при помощи присоединения к основе количественных числительных префикса *зэры-* со значением целостности и суффикса *-у(уэ)* — *зэрыцу* ‘все трое вместе’ [Там же].

Коллективная (собирательная) множественность в исследуемом языке может быть реализована и грамматической формой множественного числа: *адыгэхэр* ‘адыги’ [БРКЧС, с. 28], *азие (къухъэлэ) къэралхэр* ‘азиатские страны’ [Там же, с. 29], *аминофIэлупсхэр* ‘аминокислоты’ [Там же, с. 34].

Главным языковым средством выражения собирательной множественности в лингвистике являются имена существительные с собирательным значением. Имена существительные с семантикой собирательности могут быть подразделены:

— на лексемы, обозначающие множество парнокопытных животных: *гуартэ* ‘гурт, табун, стадо’ [СКЧЯ, с. 71], *Ихьушэ* ‘стадо’ [Там же, с. 71];

- лексемы, обозначающие множество домашних птиц: *джэдкъаз* ‘домашняя птица (букв.: куры-гуси)’ [Там же, с. 135];
- лексемы, обозначающие диких и лесных животных: *хьэжэбжэ* = *хьэкIэкхьуэкIэ* ‘хищные звери’ (‘лесные звери’) [Там же, 727];
- лексемы, обозначающие множество мелких предметов: *цIыкIуфэкIу* = *цIрумэру* ‘мелочь, мелкие вещи’ [Там же, с. 750];
- лексемы, обозначающие множество овощей и фруктов, злаковых: *пхьэцхьэмыщхьэ* ‘фрукты’ [Там же, с. 581], *хадэхэкI* ‘овощи’ [Там же, с. 676], *хьэцэпэцэ* ‘колосовые, злаковые, хлебные растения’ [Там же, с. 734];
- лексемы, обозначающие множество лиц по возрастному критерию: *жьыкIэфэкIэ* ‘старики’ [Там же, с. 183], *цIалэгьуалэ* ‘молодежь’ [Там же, с. 794];
- лексемы, обозначающие совокупность домашней утвари: *унэлыацIэ* ‘мебель’ [Там же, с. 657];
- лексемы, служащие наименованием скошенных зерновых и других растений: *Итэ* ‘стог, копна’ [Там же, с. 833], *Иэмбатэ* ‘охапка сена’ [Там же, с. 829], *Иэрамэ* ‘букет (цветов)’ [Там же, с. 832];
- лексемы, обозначающие множество (скопление) лиц: *гун* ‘группа, компания’ [Там же, с. 76], *жьылэ* ‘население села’ [Там же, с. 175], *хьэблэ* ‘квартал, часть селения’ [Там же, с. 724], *дзэ* ‘войско’ [Там же, с. 138];
- лексемы, обозначающие скопление лиц на пиршествах: *санхуафэ* ‘пир’ [Там же, с. 605], *джэгу* ‘танцы, вечеринка’ [Там же, с. 134], *махьсымафэ* ‘пир’ [Там же, с. 512];
- лексемы, обозначающие внутренние органы животных: *кIуэцIфэцI* ‘внутренности, потроха’ [Там же, с. 352], *жьээфэн* ‘ливер’ (легкие и печень) [Там же, с. 180];
- лексемы, обозначающие собирательные названия инструментов: *Идэуадэ* (букв.: щипцы-молоток) инструменты [КЧРС, с. 637].

Значение множественности отражается в семантике подобных слов, и преимущественно такие слова употребляются в единственном числе. Однако в лексемах данного типа возможно и факультативное употребление суффикса множественного числа: *джэдкъаз* = *джэдкъазхэр* ‘домашние птицы’.

3.2.5. Репрезентативное множество

В отличие от всех вышеперечисленных типов множества, особенности и функционирование репрезентативного множества в кабардино-черкесском языке изучены достаточно основательно [Бижоев, 2005, с. 19].

Путем присоединения суффикса множественного числа -хэ к именам собственным (антропонимам) в кабардино-черкесском языке выражается

семантика **репрезентативного множества**. Здесь форма множественного числа указывает на множество лиц, одним из представителей которых является лицо, обозначенное личным именем [Там же]. *Шэдэмокъуэхэ я гъунэгъу Къэбард Мурат и нцІантІэм къыдэплъри, хуэмурэ лъыжьыр джэдэжу щильагъум, къытежьащ* [Теунов, 1980, с. 12] // ‘Сосед Шогемоковых Мурат Кабардов выглянул из своего двора, и, увидев, что старик медленным шагом идет домой, он пошел к нему навстречу’; *Фенэхэ япху дэгъуэшхуэр нысэу къыхуашэри къыхуцІагъэтІысхьащи, Мадинэт дуней гуфІэгъуэр шІэц* [Шекихачев, 2000, с. 35] // ‘К Мадинат в снохи привезли видную дочь, принадлежащую семье Фени, поэтому она в приподнятом настроении’. Имена собственные редко оформляются вышеуказанными суффиксами определенности *-р* и *-м*. При помощи частицы *сылмэ* ‘и другие’ в современном кабардино-черкесском языке реализуется семантика репрезентативного множества. Сочетание указанной частицы с антропонимами указывает на группу лиц, среди которых находится и названное лицо: *Аслэн сылмэ* ‘Аслан и другие’, ‘группа Аслана’ [Бижоев, 2005, с. 20]. Форма репрезентатива присуща именам собственным, но исследование языкового материала выявило, что семантика ‘названный предмет и другие’ присутствует и в сложных именах существительных, состоящих из двух компонентов, где второй компонент фонетически искажен, но содержит часть первого и не имеет самостоятельного значения. Такие слова не зафиксированы в существующих словарях и употребляются исключительно в разговорной речи, обозначая множество, в числе которых названный предмет в первой части слова и другие подобные вещи, например: *гъуэлъынІэмлъынІэ* ‘кровать и другие предметы домашней мебели’, *бжьын-фэн* ‘лук и другие овощи’. Подобные слова не имеют дословного перевода на русский язык, например: *Жэм-мэм дилэм, гъуэлъынІэ-млъынІэ дилэм, цхьэнтэ-мэнтэ дилэм, выгу-мэгу дилэм, джэдкъаз-мэдкъаз дилэм дэр-дэру дгуэшыжащ* [СР, с. 82] // ‘Имевшиеся у нас корову и другой скот, кровать и другую мебель, подушку и другую постельную принадлежность, арбу и другой транспорт, кур, птиц и другую живность мы самостоятельно распределили между собой’.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет обобщить, что в современном кабардино-черкесском языке существует довольно широкий круг языковых средств (грамматических, лексических, фразеологических), реализующих семантику множества. Семантика *конкретного множества* в адыгском языковом сознании реализуется союзными формами кабардино-черкесского языка *-рэ,-рэ* и *-и,-и*. Кроме того, сема конкретной множественности

присутствует в сложных именах существительных и глаголах, содержащих взаимно-возвратный суффикс зэ-.

Ядром конкретно-количественной семантики в адыгском языковом сознании служат имена числительные больше одного, которые употребляются в прямом значении. Однако в устойчивых выражениях и паремиологическом пласте языка нумеративы теряют свое конкретно-количественное значение и служат репрезентантами *неопределенного множества*.

Большим разнообразием отличается репрезентация семантики неточных множеств. Базовым выразителем идеи неопределенного множества в кабардино-черкесском языке является суффикс множественного числа -хэ. В зависимости от контекста указанный суффикс выражает и собирательное множество. Наличие суффикса -лъэ часто служит показателем обильного наличия чего-нибудь на определенной территории. Также для репрезентации семантики неопределенного множества в кабардино-черкесском языке используются лексемы, относящиеся к различным частям речи с общей семантикой изобилия и неконкретного множества. Наличие элемента бэ ‘множество’ в сложных словах кабардино-черкесского языка является признаком семантики неопределенной множественности. Семантика разнородного неопределенно-большого множества репрезентируется в кабардино-черкесском языке этнолексемой *ГэщрыI*. Исследование выявило, что фразеологические единицы с семантикой неопределенного множества часто включают в себя названия насекомых.

Приблизительное множество имеет не такой широкий спектр языковых выразителей, для этого в языке есть специальная форма количественных числительных с семантикой примерной квантификации. Приблизительность также выражается аналитически — сочетанием конкретно-количественных числительных с послелогам *хуэдиз* ‘около, приблизительно’ и *нэблаггэ* ‘около’.

Семантика *тотального множества* репрезентируется в кабардино-черкесском языке квантитативами с семантикой всеобщности, относящимися к разным частям речи. Кроме того, тотальность выражается комплексом сложных префиксов и суффиксов: *зэхэ-* и *-хь*, *кбы-*, *зэ-* и *-хь*, *зэры-*, *зэре-*, *зэрыггэ-*, *зэщIэ-*, *зэрыдэ-* / *зэрыдо*, *зэре-*, *зэрыщIэ-*. На фразеологическом уровне семантика тотальности реализуется идиомами с общей семантикой поголовности.

Кабардино-черкесский язык обладает широким кругом лексических средств с общей *семантикой собирательности*. Такие слова можно сгруппировать, разделив лексемы, обозначающие множество парнокопытных животных, обозначающие множество домашних птиц, обозначающие диких и лесных животных, обозначающие множество мелких предметов, обознача-

ющие множество овощей и фруктов, злаковых, обозначающие множество лиц по возрастному критерию, обозначающие совокупность домашней утвари, служащие наименованием скошенных зерновых и других растений, обозначающие множество (скопление) лиц, обозначающие скопление лиц на пиришествах, обозначающие внутренние органы животных.

Репрезентативное множество, реализующееся в языке сочетанием антропонимов с частицей *сымэ* ‘и другие’ или суффиксом множественного числа *-хэ*, является наиболее исследованным типом множества. В дополнение к уже известному выявлено, что семантику репрезентативного множества имеют и сложные слова со вторым фонетически искаженным и незначащим компонентом, обозначающим множество, с общим значением ‘названный предмет в первой части слова и другие подобные вещи’.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. БРКЧС — *Бижоев Б. Ч.* Большой русско-кабардино-черкесский словарь / Б. Ч. Бижоев, Х. Ч. Жилетежев, Д. М. Кумыкова, Х. Т. Тимижев. — Нальчик : ООО ‘Фрегат’, 2021. — 792 с. — ISBN 978-56045702-6-5.
2. *Дударов Х. М.* Тройная радость : Рассказы, сатира, юмор, скетчи, сказки [на кабардино-черкесском языке] / Х. М. Дударов. — Нальчик : Эльбрус, 1992. — 320 с.
3. *Емузов А. Г.* Англо-кабардино-русский фразеологический словарь / А. Г. Емузов. — Нальчик : Эльбрус, 1976. — 351 с.
4. *Карданов Б. М.* Кабардино-русский фразеологический словарь / Б. М. Карданов. — Нальчик : Эльбрус, 1968. — 341 с.
5. *Керашев Т. М.* Одинокий всадник. Роман, новеллы [на кабардино-черкесском языке] / Т. М. Керашев. — Нальчик : Эльбрус, 1986. — 400 с.
6. Керешов М. Ж. Оставить след. Повести и рассказы [на кабардино-черкесском языке] / М. Ж. Керешов. — Нальчик : Эльбрус, 2009. — 572 с. — ISBN 978-5-7680-2233-4.
7. КП — *Кабардинские* пословицы [на кабардино-черкесском языке] / сост. З. П. Кардангушев. — Нальчик : Эльбрус, 2004. — 152 с. — ISBN 5-7680-1940-5.
8. КРС — *Кабардинско-русский* словарь / под ред. Б. М. Карданова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. — 576 с.
9. КЧРС — *Кабардино-черкесско-русский* словарь / сост. М. Л. Апажев, Дж. Н. Кокор. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 704 с. — ISBN 978-5-7680-2148-1.
10. *Мафедзев С. Х.* Достойны печальной песни. Роман [на кабардино-черкесском языке] / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1992. — 448 с. — ISBN 5-7680-0494-7.
11. *Мафедзев С. Х.* Избранные произведения : в 2-х т. [на кабардино-черкесском языке] / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — Т. 1. Повести. — 248 с. — ISBN 5-7680-0999-X.

12. СКЧЯ — *Словарь* кабардино-черкесского языка. — Москва : Дигора, 1999. — 860 с.
13. СР — *Сто* рассказов о Ходже [на кабардино-черкесском языке] / сост. А. М. Махов, З. П. Кардангушев. — Майкоп : РИПО 'Адыгея', 1994. — 132 с.
14. *Теунов Х. И.* Избранные произведения в двух томах [на кабардино-черкесском языке] / Х. И. Теунов. — Нальчик : Эльбрус, 1979. — Т. 1. — 511 с.
15. *Теунов Х. И.* Избранные произведения в двух томах [на кабардино-черкесском языке] / Х. И. Теунов. — Нальчик : Эльбрус, 1980. — Т. 2. — 568 с.
16. *Шекихачев Х. Т.* Я вернулся. Юморески, рассказы, очерки / Х. Т. Шекихачев. — Нальчик : Эльбрус, 2000. — 272 с.
17. *Шортанов А. Т.* Горцы. Роман-эпопея [на кабардино-черкесском языке] / А. Т. Шортанов. — Нальчик : Эльбрус, 2016. — 1224 с. — ISBN 978-5-7680-2742-1.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Проблема числа / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 5—21. — ISBN 5-85759-325-5.
2. *Бижоев Б. Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка / Б. Ч. Бижоев. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — 352 с. — ISBN 5-88195-719-9.
3. *Бирюкова М. А.* Семантика количественности и средства ее представления в русском и английском языках (на материале произведений И. Бродского) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / М. А. Бирюкова. — Брянск, 2006. — 195 с.
4. *Войцеховский М. И.* Множество / М. И. Войцеховский // Математическая энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1982. — Т. 3. Коо—Од. — С. 762.
5. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. — Москва : Наука, 1970. — Ч. 1. Фонетика и морфология. — 216 с.
6. *Гулыга Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. — Москва : Просвещение, 1969. — 184 с.
7. *Коков Дж. Н.* Имя числительное / Дж. Н. Коков // Кабардино-черкесский язык : в 2-х т. — Нальчик : Эль-Фа, 2006. — Т. I. — С. 139—153. — ISBN 5-88195-755-5.
8. *Кулькова М. А.* Квантификативная категоризация паремиологического пространства (на материале русского и немецкого языков) / М. А. Кулькова // Вестник татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2010. — № 1 (19). — С. 76—81.
9. *Кумыкова М. М.* Фразеологические единицы кабардино-черкесского языка со значением количества и времени : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / М. М. Кумыкова. — Нальчик, 2006. — 147 с.
10. *Крылов С. А.* Количество как понятийная категория / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 44—65. — ISBN 5-85759-325-5.
11. *Мижгаев М. И.* Энциклопедия черкесской мифологии / М. И. Мижгаев, М. М. Паштова. — Майкоп : 'ИП Паштов З. В.', 2012. — 460 с. — ISBN 978-5-904746-11-7.
12. *Ногмов Ш. Б.* Исторические и филологические труды : в 4-х т. / Ш. Б. Ногмов / сост. К. Ф. Дзамихов. — Нальчик : ИГИ КБНЦ РАН, 2020. — Т. III. — 198 с. — ISBN 978-5-91766-179-7.
13. *Падучева Е. В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 1989. — № 2. — С. 15—25.

14. *Пиотровский Р. Г.* Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. — Москва : Высшая школа, 1977. — 383 с.
15. *Румянцева А. А.* Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Румянцева. — Москва, 2009. — 238 с.
16. *Супрун А. Е.* Общая характеристика семантики количественности / А. Е. Супрун // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 162—170. — ISBN 5-02-028108-5.
17. *Турчанинов Г. Ф.* Грамматика кабардинского языка / Г. Ф. Турчанинов, М. Цагов. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1940. — 160 с.
18. *Урусов Х. Ш.* Кабардинская грамматика [на кабардино-черкесском языке] / Х. Ш. Урусов. — Нальчик : Эльбрус, 2001. — 232 с. — ISBN 5-7680-1633-3.
19. *Федяева Е. В.* Количество в образах качества : корреляция концептуальных доменов количества и качества / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2016. — № 4 (52). — С. 73—83.
20. *Хаусдорф Ф.* Теория множеств / Ф. Хаусдорф. — Москва ; Ленинград : Онти. Глав. ред. техн.-теоретич. лит-ры, 1937. — 304 с.
21. *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. — Ленинград : Наука, 1979. — 303 с.
22. *Хежева М. Р.* Имя числительное / М. Р. Хежева // Кабардино-Черкесская грамматика [на кабардино-черкесском языке]. — Нальчик : Издательская типография 'Принт Центр, 2023. — С. 146—157. — ISBN 978-5-907725-12-6.
23. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с. — ISBN 5-94457-074-1.
24. *Шмелев А. Д.* Параметры количественной оценки в естественном языке / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 511—520. — ISBN 5-85759-325-5.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 07.11.2024.

Material resources

- BRKCHS — Bizhoviev, B. Ch., Zhiletezhiev, H. Ch., Kumyкова, D. M., Timizhev, H. T. (2021). *The Great Russian-Kabardino-Circassian dictionary*. Nalchik: Fregat LLC. 792 p. — ISBN 978-56045702-6-5. (In Russ.).
- Dudarov, H. M. (1992). *Triple joy: Stories, satire, humor, sketches, fairy tales*. Nalchik: Elbrus. 320 p. (In Kabard.-Circas.).
- Emuzov, A. G. (1976). *English-Kabardino-Russian phraseological dictionary*. Nalchik: Elbrus. 351 p. (In Russ.).
- Kardanov, B. M. (1968). *Kabardino-Russian phraseological dictionary*. Nalchik: Elbrus. 341 p. (In Russ.).
- KCHRS — Kabardino-Circassian-Russian dictionary. (2008). Nalchik: Elbrus. 704 p. ISBN 978-5-7680-2148-1. (In Russ.).
- Kerashev, T. M. (1986). *The Lone Horseman. Novel, short stories*. Nalchik: Elbrus. 400 p. (In Kabard.-Circas.).

- Kerefov, M. J. (2009). *To leave a trace. Novellas and short stories*. Nalchik: Elbrus. 572 p. ISBN 978-5-7680-2233-4. (In Kabard.-Circas.).
- KP — *Kabardian proverbs*. (2004). Nalchik: Elbrus. 152 p. ISBN 5-7680-1940-5. (In Kabard.-Circas.).
- KRS — Kardanov, B. M. (ed.). (1957). *Kabardian-Russian dictionary*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 576 p. (In Russ.).
- Mafedzev, S. H. (1992). *Are worthy of a sad song. A novel*. Nalchik: Elbrus. 448 p. ISBN 5-7680-0494-7. (In Kabard.-Circas.).
- Mafedzev, S. X. (1995). *Selected works: in 2 volumes, 1*. Nalchik: Elbrus. 248 p. ISBN 5-7680-09999-X. (In Kabard.-Circas.).
- Shekikhachev, X. T. (2000). *I returned. Humorous stories, essays*. Nalchik: Elbrus. 272 p. (In Russ.).
- Shortanov, A. T. (2016). *Mountaineers. An epic novel*. Nalchik: Elbrus. 1224 p. ISBN 978-5-7680-2742-1. (In Kabard.-Circas.).
- SKCHYA — *Dictionary of the Kabardino-Circassian language*. (1999). Moscow: Digora. 860 p. (In Russ.).
- SR — *One hundred stories about Khoja*. (1994). Maykop: RIPO 'Adygea'. 132 p. (In Kabard.-Circas.).
- Teunov, H. I. (1979). *Selected works in two volumes, 1*. Nalchik: Elbrus. 511 p. (In Kabard.-Circas.).
- Teunov, H. I. (1980). *Selected works in two volumes*. Nalchik: Elbrus. 568 p. (In Kabard.-Circas.).

References

- Arutyunova, N. D. (2005). The problem of number. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 5—21. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).
- Biryukova, M. A. (2006). *Semantics of quantification and means of its representation in Russian and English (based on the works of I. Brodsky)*. PhD Diss. Bryansk. 195 p. (In Russ.).
- Bizhoev, B. Ch. (2005). *Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language*. Nalchik: El-Fa. 352 p. ISBN 5-88195-719-9. (In Russ.).
- Fedyaeva, E. V. (2016). Quantity in images of quality: correlation of conceptual domains of quantity and quality. *Nauchnyi dialog*, 4 (52): 73—83. (In Russ.).
- Grammar of the Kabardino-Circassian literary language, 1*. (1970). Moscow: Nauka. 216 p. (In Russ.).
- Gulyga, E. V., Shendels, E. I. (1969). *Grammatical and lexical fields in the modern German language*. Moscow: Prosveshchenie. 184 p. (In Russ.).
- Hausdorff, F. (1937). *Set Theory*. Moscow; Leningrad: Onti. Head of the editorial board of the technical Department.-theoretical literature. 304 p. (In Russ.).
- Hezheva M. R. Numeral name. In: *Kabardino-Circassian grammar*. Nalchik: Publishing printing house 'Print Center. 146—157. ISBN 978-5-907725-12-6. (In Kabard.-Circas.).
- Kholodovich, A. A. (1979). *Problems of grammatical theory*. Leningrad: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Kokov, J. N. (2006). Numeral name. In 2 volumes, 1. Nalchik: El-Fa. 139—153. ISBN 5-88195-755-5. (In Kabard.-Circas.).
- Krylov, S. A. (2005). Quantity as a conceptual category. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 44—65. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).

- Kulkova, M. A. (2010). Quantificative categorization of the paremiological space (based on the material of the Russian and German languages). *Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University, 1 (19)*: 76—81. (In Russ.).
- Kumyikova, M. M. (2006). *Phraseological units of the Kabardino-Circassian language with the meaning of quantity and time*. PhD Diss. Nalchik. 147 p. (In Russ.).
- Mizhaev, M. I. (2012). *Encyclopedia of Circassian mythology*. Maikop: 'IP Pashtov Z. V.'. 460 p. ISBN 978-5-904746-11-7. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. B. (2020). *Historical and philological works: in 4 volumes, 3*. Nalchik: IGI KBNTS RAS. 198 p. ISBN 978-5-91766-179-7. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1989). The idea of universality in logic and in natural language. *Questions of linguistics, 2*: 15—25. (In Russ.).
- Piotrovsky, R. G., Bektaev, K. B., Piotrovskaya, A. A. (1977). *Mathematical linguistics*. Moscow: Higher School. 383 p. (In Russ.).
- Rumyantseva, A. A. (2009). *Complex analysis of ways of expressing sets of faces in modern Russian*. PhD Diss. Moscow. 238 p. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2002). *Russian language and extra-linguistic reality*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 496 p. ISBN 5-94457-074-1. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2005). Parameters of quantitative assessment in natural language. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 511—520. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).
- Suprun, A. E. (1996). General characteristics of the semantics of quantification. In: *Theory of functional grammar. Quality. Quantification*. St. Petersburg: Nauka. 162—170. ISBN 5-02-028108-5. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F., Tsagov, M. (1940). *Grammar of the Kabardian language*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 160 p. (In Russ.).
- Urusov, H. S. (2001). *Kabardian grammar*. Nalchik: Elbrus. 232 p. ISBN 5-7680-1633-3. (In Kabard.-Circas.).
- Voitsekhovskiy, M. I. (1982). Set. In: *Mathematical encyclopedia, 3*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 762. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 07.11.2024.*